

Книжный червь

Одноактная пьеса-полумонолог

Действующие лица:

Игорь – уже не очень молодой (около тридцати лет) писатель, которому не удается издать ни одной книги.

Марина – его жена.

Вера – подруга Марины.

На сцене часть типовой городской квартиры, кухня и спальня. Действие попеременно происходит то в одной, то в другой комнате. Начинается в кухне, спальня затенена.

Обстановка в кухне «приличная» без излишеств: стандартный набор бытовой техники, шкафчики, обеденный стол. Свободного пространства маловато.

Вечер. Игорь и Марина одеты в домашнюю одежду. Они только что поужинали, теперь Марина сметает со стола крошки, а Игорь одной правой рукой пытается мыть в раковине посуду. Его левая рука в гипсе.

Часть реплик герои произносят как монолог, обращаясь к зрителям в зале. Часть – в форме диалога. При этом подразумевается, что «внутренние» монологи друг друга они если не слышат в точности, то угадывают – это взаимопонимание людей, знакомых давно и близко.

Игорь (к залу). Нет ничего смешнее доморощенного сочинителя, который боится унизиться до грязных тарелок. Ах, быт убивает мою поэтическую натуру!.. Тарелки, мытье полов, беготня по магазинам – все это родителям, женам, детям, кому угодно. А мое дело – творить! А скажи ты мне, напечаталась твоя поэтическая натура где-нибудь? Что? Десять брошюрок за свой счет? «Стихи.ру»? Ну-ну... Нет уж – убивает, не убивает, а поел – так вымой за собой. Сочиняешь стишки, или прозу, или вообще ничего – грязь-то, она после всех одинаковая.

Не удержав очередную тарелку, роняет на пол.

Марина. Хотя бы сейчас-то можешь не доказывать, что ты не такой, как все эти доморощенные сочинители.

Игорь уныло смотрит на разбитую тарелку. Понятно, что он как раз из тех людей, которых быт «убивает», и только усилием воли заставляет себя разделять домашние обязанности с женой. Марина хочет подобрать осколки, но он ее опережает. Марина дожидается, когда он все соберет и выбросит.

Марина. Ну все, для инвалида ты больше чем достаточно помог. Остальное сама сделаю.

Игорь. Ты не обязана. Тебе все это так же опротивело, как мне.

Пытается продолжить мытье посуды.

Марина (к залу). Ну да, он прав. Но я не хочу, чтобы он мучился еще и комплексом вины из-за меня. Истерики, ломание рук, «я для тебя пожертвовала всем» – это не совсем обо мне. Или даже совсем не обо мне. Да, я тоже не чуждый творчества человек, хотя не так помешана на сочинительстве, как он. Мне вполне хватило бы журналистики, только чуть-чуть другой, чем та, которой занимаюсь. Поинтереснее. Журналы об искусстве, о путешествиях – вот это было бы для меня. Но он-то вообще не журналист. Он сочинитель. Ему нужно придумывать миры. Мне наша городская газета с вечными проблемами жэкэха и чиновничьими речами просто надоела. А с ним все хуже. Он там того гляди с ума сойдет. А самое плохое, что так с ним будет на любой работе. Ничего не изменится. И ничего не изменится, если мы съездим в Египет или Турцию. Дальше-то на наши журналистские зарплаты вряд ли уедешь... Но дело не в деньгах, не в их количестве и не в расстояниях до курортов. У него – идея фикс, мечта идиота, назовите как угодно. У меня... тоже мечта. О немного другой жизни.

(Игорю, стараясь улыбнуться). Все, Игорь, хватит. Говорю же, для инвалида ты достаточно помог.

Мягко, но настойчиво отбирает у него оставшуюся посуду и сама принимается за мытье.

Игорь (косится на свою загипсованную руку и тоже через силу улыбается. К залу). Инвалид по собственной глупости. Надо же было в спарринге так перестараться! А я ведь даже не знаю толком, зачем на старости лет стал ходить в секцию. Ну да, на третьем десятке пойти в каратэ – это уже «на старости лет». Поначалу казалось, тренировки помогают – забываешь об умственной работе, преодолеваешь трудности, чувствуешь себя... живым. По-настоящему живым. Но теперь этого нет. Осталась одна цель: подвигаться здоровья ради, чтобы сутками за компьютером не сидеть. Глупая цель. Здоровье нужно, чтобы жить. Но зачем жизнь, в которой ничего не можешь сделать? Сколько себя помню – я ничего не мог сделать. Ничего настоящего. Только сочинял истории. И довольно долго мне этого хватало.

С серьезными занятиями спортом мне, конечно, не по пути. Чувство такое, что зря трачу в спортзале время. А мог бы и полезнее как-нибудь... Но вот ведь какая штука: как заведется чуть побольше свободного времени – праздники там, или две недели отпуска – проводишь его на удивление бездарно. Работать толком не получается... Работать над книгами, имею в виду. Выходит, что урывками, между статьями для газеты да между тренировками работается лучше. Поэтому из-за руки я даже больничный брать не стал. Неохота месяц в четырех стенах сидеть.

Выходит из кухни и плетется в спальню.

Оставаясь одни, герои говорят, обращаясь больше к себе самим, чем к залу.

Марина (заканчивает уборку, садится на стул, устало кладет руки на колени. Усталость ее не столько физическая, сколько душевная). Удивительно, что он сделал хотя бы это – женился на мне. Когда у человека выдуманные друзья в семь лет, это нормально. Но в семнадцать... Нет, я не смею над ним, не издеваюсь. Тут, скорее, отчаяние. Сознание собственной беспомощности. Я ведь люблю его. Люблю, но ничем не могу помочь. Какая у него была улыбка, когда он признавался в этом мне, рассказывал об этих своих воображаемых друзьях... (Улыбается тепло и растерянно). Он говорил мне то, чего не говорил никому другому, никогда. Это доверие. Это... ну да, любовь. Он тоже меня любит. И разве я могу судить его за то, что есть нечто, что он любит больше, чем меня? Больше, чем себя самого?

Свет в кухне гаснет и зажигается в спальне, куда перемещается действие. Комната представляет собой что-то среднее между спальней и рабочим кабинетом – здесь есть кровать, но и полки с книгами, письменный стол и на нем ноутбук.

Игорь (останавливается у окна, протягивает руку, чтобы отдернуть занавеску и выглянуть, но так этого и не делает. Бессильно роняет руку). Вот гадство! Долго старался, чтобы дурацкая моя натура оставалась при мне. И вот – не выдержал все-таки, тащу за собой и ее (указывает в сторону кухни, понятно, что говорит о жене). Хочешь сходить с ума – ради бога, но оставь в покое других! Сумасшедшие должны быть одиночками. И это не жадность на чувства, а... спасение для окружающих. Так нет же, лезет это проклятое изнутри – я творец, вашу мать, давайте, восхищайтесь мной! Хоть кто-то один просто обязан восхищаться! Хоть одна... На это рассчитывал, подлая душонка, когда женился на ней? Слава тебе, господи, что она-то не такая оказалась, чтобы и вправду восхищаться да в гениальность верить. Поумнее...

Прижимает ладонь ко лбу.

Так... все. К черту все. Спокойно. Спокойно поработать...

Отходит от окна, включает ноутбук и садится за стол.

Во всем есть свои плюсы. Теперь я знаю, что вполне могу печатать и с одной рукой...

Вместо того чтобы начать печатать, неподвижно сидит, уставившись в экран. Потом хватается листок бумаги, начинает что-то писать, перечеркивает, снова пишет. В конце концов сминает листок и бросает на пол.

Это противнее всего... когда подводят собственные мозги.

Встает из-за стола и ложится на кровать поверх покрывала. Лежит с закрытыми глазами.

Входит Марина. Несколько мгновений смотрит на Игоря с явным, но бессильным сожалением.

Марина. Что, не работается?

Игорь (негромким, монотонным голосом). Это граница, помнишь, я тебе говорил.

Марина (к залу). Помню. Граница между реальностью и историей, которую придумываешь. Иногда ее бывает трудно перешагнуть. Но сочинитель должен это делать – иначе он перестанет быть сочинителем.

Игорь. Граница, или еще хуже... В голове тысяча историй, и я с легкостью начал бы работать над любой из них. Но все это не нужно. А того, что нужно – нет.

Марина (садится на край кровати). Сюжета для детской книги?

Игорь. Да. Ну какой из меня, к черту, детский писатель? Чтобы хорошо писать для детей, надо быть по-настоящему гениальным. А я еще не дошел до той стадии, когда начинаешь считать себя гением всерьез. Что есть у меня? Идеи, теории, которые я запикиваю в свои «взрослые» книги. Без идей никак не могу обойтись. Не способен интересно и занимательно рассказывать без всяких околофилософских закидонов. Для детской книги это не годится. Но мне просто необходимо написать книгу для детей... Это последний шанс.

Марина (к залу). Последним шансом он считает это вот почему. Из одного детского издательства ему написали, что им нравятся его сюжеты и язык, но по возрастной категории книги не подходят. Слишком взрослые. Теперь он хочет написать историю для детей и отправить в это издательство. О других речь уже не идет. Вообще-то, он терпеть не может рассказывать о своих неудачах. Потому что искренне уверен, что виноват в них только он сам, а не окружающие и не «обстоятельства». Я иногда думаю – лучше бы наоборот... Но после стольких издательских отказов кое-что прорывается даже у него.

Игорь (не открывая глаз, все так же монотонно). Если издательство само уведомляет об отказе, это великая честь. В большинстве приходится отправлять запросы. То есть, сначала я их отправлял, думал, это имеет смысл. Но запросы, в основном, остаются без ответов. Если ты нужен – издатели сами с тобой свяжутся, и быстро. Если не связываются – ты не нужен. Лучше не унижаться и ни о чем не спрашивать.

Марина. Был один случай. Из издательства, публикующего нечто, именуемое «мужской прозой», ему ответили, что он пишет...

Игорь. ...провинциальную х...ню. Прямым текстом. И внизу приписка: «Надеемся, у Вас есть чувство юмора». «Вас» – по-холоуйски с заглавной буквы. О-о, это издательство в своем роде замечательное. Любит работать в «тесном контакте» с авторами. В тесном-претесном. По главам тебе продиктует, куда герой твоей книги должен пойти, что найти, кого замочить и какой в конце хэппи-энд. Авторы, мол, тупые пошли – с ними по-другому нельзя. Не авторы, одни аффтарты. И после этого книгопроизводители еще жалуются, что их «продукт» плохо покупают. Скоро как издатели журналов будут на уловки идти. Ну, тех журналов, к которым что-нибудь прилагается: коллекционная кукла там, флакончик духов или игрушка. Так и с книгами будет. С «Анной Карениной» получи модельку старинного поезда. С собранием сочинений Достоевского – топор, нож и тупой тяжелый предмет.

Проблема в том, что издательства до сих пор рассчитывают на «массового» читателя. Но массового больше не существует. Массовые хотят просто развлечься – а в компьютерный век появилось море простых развлечений. Читать – развлечение на порядок сложнее. Его выбирают «немассовые». Их мало. И им нужна литература, а не «продукт».

Я бы успокоился раз и навсегда, если бы мне сказали, что к литературе я ни малейшего отношения не имею. Если бы честно и открыто назвали графоманом. Но нет ведь, выносит кого-то и с положительными отзывами... и не только знакомых.

Марина (к залу). Знакомые – это коллеги-журналисты. Многие неплохо его оценивают, и вполне искренне. А кроме них был еще писатель, рецензент...

Игорь. Платный. Но случай не тот, когда за деньги тебя хвалят. Честно говоря, от его рецензий у меня колени тряслись – такая вот была критика. Но – именно критика, а не ругня. Он ткнул носом в ошибки. Написал, что, если их исправить, из моих романов может выйти дело. Я исправил. Но издаться это не помогло. Рецензент, кстати, предупреждал. Сказал, пишу слишком умно. Господи ты боже мой, я не пытался умничать! Но, видимо, слишком умно – для издательств книжного «продукта». А для

«интеллектуальных» – да, я пробовал общаться и с такими – может быть, глупо. Негениально. Все, чего я от них добился – рассмотрения. «Рукопись на рассмотрении» – вердикт означает, что не отклонена, но и не принята. Кто прежде не имел дела с издательствами, решит, что, вот, пройдет месяц, два – и тебе сообщат окончательное решение. Но месяцы идут – и ничего. Ты ждешь. Следишь за почтой. А, письмо! Циферка вместо пустоты рядом с этим проклятым конвертиком! Открываешь – Интернет под тормаживает, сердце так и стучит... Вот, сейчас, приговор, да или нет! А в ящике реклама. Или поздравление с каким-нибудь праздником, привет-привет от старого приятеля. Проходит еще месяц. В конце концов ты не выдерживаешь и шлешь в издательство запрос. И если – если! – боги снисходят до тебя с ответом, то в этом ответе все то же – «рукопись на рассмотрении». Но извините, сколько можно рассматривать? Неужели за три-то, за четыре, за пять месяцев... Вот что такое наивность новичка. Рассматривать можно годами. Десятилетиями. То есть где-то там, в пыльных углах их компьютеров, твоя писанина будет валяться. А вдруг когда-нибудь – все может быть! – у плодовитых и популярных авторов случится кризис, этакий словесный запор. В потоке литпродукта появится дырка, и ее срочно нужно будет чем-то заткнуть. И вот тогда... Но надо быть идиотом в превосходной степени, чтобы рассчитывать, что заткнут именно тобой. Таких как ты сотни. До этой стадии идиотизма я еще не дошел.

Марина (к залу): Из одного издательства с репутацией «неформатного» ему все-таки ответили положительно.

Игорь. Вот только так и не прислали контракт. И бог его знает, это издательство, живо ли теперь оно. Да, был еще потрясающий журнал... Литературные журналы – это нечто потрясающее. На сайтах они описывают свою богатую культурную историю – что чуть ли не в годы Великой Отечественной несли литературное знамя... Проникшись уважением, отсылаешь в редакцию рукопись. И получаешь ответ: «Не засоряйте спамом ящик».

Марина (к залу). Мне все-таки кажется, что так ответила какая-нибудь недалекая секретарша после вчерашнего перепоя.

Игорь (сквозь зубы). А мне ничего уже не кажется. Меня от всего этого тошнит. Синопсисы, чтобы им провалиться, краткая характеристика главных героев, краткое изложение основных мыслей книги... Все краткое! Вытягиваешь из себя кишки, излагаешь роман в трех предложениях – и зачем? Толку никакого. А все эти жанры, форматы? «Современная проза!» Нет, вашу мать, такого жанра, «современная проза!» Есть роман, пьеса, эссе... К черту. Тошнит – но плюнуть на всю эту писанину и забыть о ней я не могу. Не умею ничего больше делать, во-первых. А во-вторых – это даже не образ жизни, это необходимость, неизбежность. Без нее я не чувствую себя живым.

Марина. Интернет...

Игорь. ...со всей своей мнимой свободой – не для меня. Я родился или слишком поздно, или слишком рано. В ту самую эпоху перемен, которой вроде бы проклинают в Китае. Надо было родиться, когда электронных книг еще не было, или когда уже не будет печатных. Тогда не было бы так душно от этой мысли, что никогда, никогда не возьму в руки стопочку бумаги в обложке, на которой – мое имя... Но я ошибся временем. Пока еще действует правило: ни разу не изданный текст статуса книги не имеет. Да, с оговоркой: издание не за свой счет. Дело не в жлобстве, а в бессмысленности печататься за собственные деньги.

Электронные тексты без бумажной основы – это объект для похвал «френдов», для ругательств «нефрендов» и самозванных критиков под странными никами. Это все что угодно – но не объект для чтения от начала до конца. Что думают обо мне интернет-критики, я знать не хочу. Имею же я право этого не знать, черт возьми! Все это только отвлекает.

Марина (к залу, печально улыбаясь). Просто его раздражает любое общение. И сетевое в том числе.

Игорь. Да... Но если хотя бы одна моя книга все-таки вышла на бумаге, я сам выложил бы ее в открытый доступ – сразу, или как позволят условия контракта. Слова бы не сказал ни про какие авторские права. Качайте на здоровье. Вот только отзывы... отзывы читать не хочу, хоть убейте. Но, может, тогда, после бумажной-то книги, это уже не было бы так важно...

Марина (к залу). Не знаю, почему бы ему не съездить в одно из этих издательств. День в поезде – не бог весть какая трудность. Послать человека, глядя ему в глаза, потруднее, чем по электронной почте. Но нет, он боится этого до ужаса. Как будто стыдится самого себя и того, что пишет. Я в свое время случайно узнала о его сочинительской работе. А то до сих пор скрывал бы и от меня... Смешно: на газетные статьи, которые видит несколько тысяч человек, ему наплевать. Он раз и навсегда отделил себя от этих текстов. Но книги, которые мало кто читал, но которые он пишет искренне, от души – для него все равно что дети. Эти рецензии, сделанные на его романы тем писателем – он действительно едва их пережил, кроме шуток. Хотя они и правда были разумные.

Игорь. Искренность... Искренность отличает литературу от «книжного продукта». Искренность, а не заумь, не высокоинтеллектуальность, остросоциальность и бог знает что еще. Литература – это вымысел, но вымысел искренний.

В соседней комнате звонит сотовый Марины. Она встает с кровати и выходит. Игорь по-прежнему лежит. Негромкий разговор за стеной. Через минуту Марина возвращается.

Марина. Вера звонила. Зайдет посидеть.

Игорь (вскакивает и принимается ходить по комнате). Ну вот еще, ее только не хватало! Не понимаю, что ты в ней такое нашла, о чем с ней можно разговаривать? Не про хлебное производство же!

Марина (полушутливо). Вот она, вся твоя натура. По-твоему, если человек работает не в газете, так сразу и хуже тебя, и поговорить с ним не о чем? И, кстати, с хлебозавода Вера уволилась.

Игорь (недовольно хмурится). Работа тут ни при чем. Просто... ну... она вульгарная. Грубая. Мат в семь этажей, выпить, погулять – все интересы.

Марина. Веселая и жизнерадостная. Ну да, над мировыми проблемами голову не ломает, обычными человеческими интересами живет. А мы с тобой все из себя утонченные интеллигенты, ага. Можно подумать. Ты в театре сколько раз в жизни был?

Игорь. Я не виноват, что у нас в городе театра нет. И вообще, чего ты с этим театром... Я в ее мужьях запутался, гражданских и официальных. Который у нее? Третий? Четвертый?

Марина. Не сгущай краски. Всего лишь второй. У многих так.

Игорь. Второй, и третий на очереди. И почему-то всех Сашами зовут. Никитин Саша, теперь еще какой-то Саша... Тут кто угодно счет потеряет.

Марина. Ну да, главная Верина цель – тебя запутать. Нарочно выбирает с таким именем.

Игорь. Ладно, сиди со своей Верой, только меня не впутывай. Вина полбутылки с Нового Года осталось – допейте. Чем ее еще-то развлекать? А я... работать буду.

Звонок в дверь.

Игорь (садится за стол). Ужасно занят. Так и скажи.

Марина идет открывать.

Женские голоса за стеной. Вера громко разговаривает и смеется. Игорь болезненно морщится. Посидев немного, снова пишет что-то от руки и перечеркивает.

Игорь. Граница, проклятая граница!.. Раньше перешагивать ее мне помогала музыка. Музыка выше, чем слова. Одна мелодия может сказать больше, чем тома литературных трудов. Музыка открывала мне дверь в другой мир, где нет этой квартиры-тюрьмы, этой работы, которая все равно что труд древнеегипетского раба. Ходи туда каждый день, получай кусок жратвы и снова ходи, пока не сдохнешь. Почему сейчас мое отношение к музыке изменилось? Нет, не то чтобы изменилось... Но я не могу слушать многие любимые песни. Это... слишком больно. Где свет, который живет в них? Мелодия заканчивается и свет гаснет. И я уже готов подозревать музыканта в обмане. Хотя знаю: нет, это не обман, обман – здесь, вокруг. Эта квартира и работа, и этот проклятый город, как болото... вот обман. А в музыке – настоящее. Настоящий свет, настоящая жизнь. Знаю? Нет, не знаю... верю. Или даже – хочу верить. Я всегда только хочу верить, а по-настоящему верить не умею. И – я боюсь этой боли...

Да, есть еще другой способ перешагнуть границу. Попроще. Просто выпить немного. Черт!.. И почему я не люблю водку? Вот ведь пижонство... Но что поделать. Не обязательно же водка... Можно выпить и вина. Главное – не превысить дозировку. Нужен примерно стакан вина. Если больше – голова

пойдет кругом, а потом такая тоска навалится... Хотя от стакана тоже может навалиться тоска. Ну и ладно. У нас было полбутылки... А, там эта Вера. Ну и пусть... Что толку пялиться в компьютер, когда работа не идет. Посижу с ними... для разнообразия.

Идет в кухню, в которую перемещается действие. В спальне свет гаснет, в кухне – зажигается.

За столом сидят Марина и Вера. Внешность Веры – контраст по отношению и к Марине, и к Игорю, которые чем-то друг на друга похожи, оба высокие и худые, светловолосые, у Марины короткая, почти мужская стрижка. Вера – небольшого роста, полная, розовощекая, с копной вьющихся каштановых волос.

На столе стоит бутылка, на дне которой немного вина, и два стакана

Вера (с явным, даже подчеркнутым удивлением смотрит на Игоря. Говорит нараспев). При-иве-т!.. (Указывает на его больную руку). Где это тебя угораздило?

Игорь (принужденно улыбается). Привет. Это (двигает рукой) – на тренировке. Ерунда, заживет. Я вот с вами, девочки, выпить решил... за компанию.

Берет чистый стакан, садится за стол и наливает себе вина. Получается четверть стакана. Задумчиво смотрит на вино.

Так... А нужен полный стакан.

Вера. А чего это – прямо обязательно полный?

Игорь. Да вот... надо. Сейчас исправим.

Достает из шкафчика бутылку водки.

Новогодний подарок с работы. У нас каждому сотруднику – дежурный набор: водка, шампанское, конфеты и чай. Мы с Мариной все уговорили уже, кроме этого. Оба не любители. Но теперь – ничего, перетерпим нелюбовь.

Открывает бутылку, придерживая локтем загипсованной руки. Наливает себе прямо в стакан с вином.

Вера. Ну, Игоря, дае-ошь...

Игорь подносит бутылку к Верину стакану.

Вера. Мне капельку.

Игорь наливает и вопросительно смотрит на Марину. Та отрицательно качает головой. Поступок Игоря ее явно удивляет, но вслух она по этому поводу ничего не говорит.

Игорь с Верой чокаются и пьют. Осилить весь стакан сразу у Игоря не получается. Он ставит его перед собой и остается за столом.

Игорь (подперев щеку рукой). Вы тут разговаривали, я помешал, извините... Вы продолжайте. Я только немножко посижу.

Вера. Да сиди хоть много, жалко, что ли. Я вот Маринке про Санька моего рассказываю.

Марина косится на Игоря, опасаясь невежливого вопроса о том, какой это по счету Санек. Но Игорь молчит.

Ну вот. Я, значит, ему который раз говорю: переезжай уже ко мне, хватит чужие углы снимать. Вроде, договорились. А вчера вечером захожу на его страницу – он в онлайн. Пишу: «Не спишь»? А мне Оксанка, его бывшая, отвечает: «Саша спит уже». Я офигеваю просто. Это, вообще, что такое? Ко мне переезжать собрался, а с ней крутит до сих пор? Я теперь на таблетках успокоительных, серьезно. Вообще не понимаю этих мужиков...

Марина. Так ты бы с ним поговорила сегодня, напрямую бы все выяснила.

Вера (вздыхает). Завтра... Завтра поговорю. Еще как поговорю!.. А сегодня я в шоке. Три таблетки съела: утром, в обед и вечером. Слабые, заразы, ни фига не успокаивают.

Игорь задумчиво смотрит на Веру – и вместе с тем куда-то мимо нее. Время от времени прихлебывает из стакана.

У меня одна надежда – может, стерва эта, Оксанка, не у него дома была, а у себя, просто у нее к Сашкиной странице доступ. Читает переписку – ну и отвечает из вредности...

Марина. Да, Вер, наверное.

Вера. Что за жизнь такая... Сплошная депрессуха. Никитин к Ирке Беловой ушел, к замужней, с тремя детьми. С этим Сашкой тоже не пойми чего... Да еще без работы сижу, жить скоро не на что будет. Дура, с завода ушла. Теперь жалею...

Игорь. А зачем же ушла?

Вера. Да с начальницей поцапалась. Сволочная она баба.

Марина. Ну, ничего, Вер, найдешь что-нибудь. В магазине, например, продавцом.

Вера. Да в этих магазинах зарплата – хрен да маленько. На такие деньги проживешь? За квартиру заплати, пожрать купи, то да се. Ну и отдохнуть охота. В кафешку, там, сходить, выпить... Спонсора надо. Одной – никак.

Игорь (в его голосе появляются слегка пьяные интонации). И что, этот твой Санек – хороший спонсор?

Вера (хихикает, но не весело). Да не воспринимай ты так все... Я же с ним не из-за денег только. Ну, нравится, то да се. И вообще, одна жить не привыкла. Сразу депрессуха такая...

Игорь (допивает все из своего стакана. Неопределенно). А-а...

Вера (встает из-за стола). Ну ладно, ребят, пойду я. А то собака негулянная дома сидит. Я же к вам от подружки по пути, от Машки Фоминой, зашла.

Игорь. Ну, пока.

Вера. Пока-пока.

Марина и Вера выходят. Голоса, звук отпираемой и запираемой двери. Игорь сидит, глядя в пустой стакан. На его губах появляется кривоватая улыбка. Когда возвращается Марина, он смотрит на нее, так же улыбаясь.

Игорь. Вот удивительная штука. Мы с твоей Верой, оказывается – зеркальные близнецы. О чем, по-твоему, она здесь говорила? О бессмысленности своей жизни. Не знаю, понимает сама это или нет – но, по крайней мере, чувствует. (Передразнивает Веру). «Деперссу-уха!..» И я тоже чувствую. По-своему только. В зеркальном отображении. Ее жизнь не больше похожа на реальность, чем моя, которая сплошь состоит из иллюзий. Ты – не как я и не как она. Ты среди нас единственный настоящий человек. Но ты, конечно, со мной несчастлива. Прости... Я говорю все это потому, что становлюсь пьяным.

Марина (скрестив руки на груди и склонив на бок голову). Не становишься, уже стал.

Игорь (вскакивает из-за стола почти в испуге). Да! Черт, черт!.. Превысил все-таки эту проклятую дозировку... Какая теперь работа, какое... перешагивание границ... (Шатается, чтобы не упасть, придерживается за край стола. Несколько мгновений стоит так, потом падает обратно на стул). Голова кругом... Стакан водки – это тебе не стакан вина. Вот дурак!.. (Сквозь смех). Ну почему всегда так?! Просишь у высших сил откровения, а они посылают тебе истерику.

Марина садится на стул и смотрит на Игоря с прежним бессильным сожалением. Тот встает со стула, хватается за ворот футболки, достаточно свободный. Но Игорь тянет и дергает его так, словно он сдавливает ему горло.

Отчего это?.. Как будто задыхаюсь. Просто не могу больше дышать этим воздухом. (Подбегает к окну, отдергивает занавеску, распахивает форточку и жадно вдыхает). От страха, что ли, это удушье? Сильнее всего я боюсь, что ничего не изменится. Ничего и никогда. Или это называется старость? Когда пропадает вера в перемены... Ничего не изменится, ничего не будет – только все это, одно и то же день за днем. Пока не закончится все. Все вообще... Я никогда не напишу нужную книгу. Таковую, которую их величества сочтут пригодной... Это безнадежно.

Марина (тихо, больше себе, чем Игорю). А что изменилось бы, если бы ты издал книгу?

Игорь (резко оборачивается. Его взгляд и интонации – скорее, взгляд и интонации полубезумца, а не пьяного). Все. Ничего. Не знаю. Но это была бы моя защита, защита от всего! И путь к свободе. И... ответ. Ответ на все вопросы. Пусть бестолковый, но единственный, на какой я способен! Способ доказать... что я что-то могу. Что я... заслуживаю любви. Это самое важное! Ты же понимаешь... Книги, картины, песни, научные открытия, философские теории – что это такое, по-твоему?

Самовыражение? К черту самовыражение! Это всего лишь попытка... попытка завоевать любовь. Хотя бы немного любви.

Марина. И кому же ты все это хочешь доказать?

Игорь. Да всем! Матери, родственникам, всем нашим на работе... тебе...

Марина. Мне не обязательно что-то доказывать. Я не за это тебя люблю. Да и матери такие доказательства вряд ли нужны.

Игорь. Думаешь, я не понимаю, что это дурацкий способ? Самый дурацкий из всех? Понимаю. Но есть люди, которые по-другому не умеют. Я когда-нибудь рассказывал тебе про моего отца?

Марина. Нет.

Игорь. Ну да... Мне нечего про него рассказывать – я его не знаю и никогда не видел. От него у меня только ненужная приставка после имени. В детстве я почему-то никогда не задавал всех этих вопросов – «Мама, где мой папа?», стыдно как-то, что ли, было спрашивать... да и не очень интересно. До семнадцати лет был уверен, что мне на этого человека, так называемого отца, просто наплевать. Но потом произошло кое-что... Пустяк – но ты ведь знаешь, у меня талант делать из любого насекомого слона. Когда поступал в институт, надо было заполнить документы, написать фамилии, имена и отчества отца и матери. Конечно, мне не пришло в голову в отцовской графе поставить прочерк, как я сделал бы сейчас. Мне дали бумажку, и ее нужно было заполнить. Но проблема была в том, что я не помнил, какое отчество написано после имени отца в моем свидетельстве о рождении. Это были ужасные мгновения – анкету пора сдавать, а я не знаю, что писать в ней. В конце концов отчество пришлось выдумать. Дома я заглянул в свидетельство, и стало ясно, что пальцем в небо не попал. Опять же, сейчас я просто плюнул бы на это все. Но тогда мучительно воображал, как какие-нибудь секретари сравнят анкету с ксерокопией свидетельства и увидят это разногласие, и удивятся – и в сентябре, может, спросят меня...

Естественно, спрашивать никто ни о чем не стал. Но я понял, что все-таки ненавижу этого «отца». И осознались все подленькие мыслишки, которые, наверно, неосознанно всплывали и прежде – вот, не захотел он меня знать, а я возьму и стану знаменитым и великим – пожалеет... Это именно подлые мыслишки, унижительные.

Зачем я тебе все это говорю? Не только потому, что напился. Теперь ты понимаешь – моя жизнь с рождения была... вопреки. Чуть ли не назло. Так не удивляйся, что мне нужны все эти странные доказательства собственного существования. Книги... изданные книги. Глупые доказательства... Может, их в скором времени и читать-то будут только те, кто сами пишут. Кажется, все же есть на свете то, во что я верю почти по-настоящему. Книги пишут сумасшедшие для сумасшедших.

Марина. Я часто замечаю, Игорь, с людьми, которые не читают, мне скучно... Не оттого, что кроме литературы не о чем говорить. Просто так уж совпадает – у меня с ними нет общих интересов. Я люблю книги, но... (качает головой) не так, как ты.

Игорь (с усмешкой). Нет, у меня это не любовь... Это у нормальных людей – любовь. А я болен. Я аллергик, у меня аллергия на слюну книжного червя. Мне было двенадцать лет, когда это существо меня укусило... Я говорил тебе, что до двенадцати лет совсем мало читал? По необходимости, по школьной программе, из-под палки? Но потом что-то произошло... Меня укусил книжный червь. Я стал читать, и передо мной открылись все эти миры, и я понял, что могу сочинять сам. Если бы я был здоров... О, если бы я только был здоров – со временем это сделало бы меня счастливее. Принесло большую полноту самореализации, или как там... Работа, семья – и вот, еще творчество, любимое дело. И, может, я придумал бы, как с выгодой использовать эту способность. Но я оказался аллергиком, у меня наступил анафилактический шок, из которого не выйти никогда. Это так называемое «творчество» стало единственным, к чему я способен. Соображения пользы мне безразличны, зато желание говорить то, что хочу сказать, заменило мне все. И вот, вместо приятного дополнения к невеликому, но прочному благополучию самодостаточного человека – получай сверхценную идею. Зависимость... Да, настоящую наркозависимость – только без всех этих физиологических последствий. Но психологические ничуть не слабее. Иллюзии стали реальнее реальности. Вот почему за всю жизнь я не принял ни одного решения.

Да вообще никогда не жил *здесь*. Только *там*... (Прикрывает глаза). Слова. Мир, состоящий из слов... Но рассказчики, которых никто не слушает, превращаются в сумасшедших. Это закон. (Снова хватается за ворот футболки). Господи, ну почему так душно! Невыносимо!

Выбегает из кухни. Марина с минуту сидит, глядя перед собой. Потом встает и идет в спальню. В кухне свет гаснет и зажигается в спальне, куда перемещается действие.

Игорь сидит на полу возле кровати, обхватив колени руками. Входит Марина, садится рядом с ним. Он не смотрит на нее, но на его губах появляется улыбка.

Знаешь, что это такое? Сепсис. Когда нерожденный ребенок гибнет в теле женщины, начинается сепсис. Видимо, так же и неизданные книги убивают своего автора. Мы с тобой оба не можем родить...

У Марины вздрагивают губы, потом лицо застывает, словно каменное. Игорь склоняет голову ей на плечо.

Прости, я сделал тебе больно. Единственное оправдание – точно так же больно сделал и себе... Плохое оправдание. А у тебя бывало когда-нибудь так... что больно смотреть на самые обыкновенные предметы? Больно и жалко?

Марина (ее лицо как бы оттаивает, взгляд становится мягче). На что-то, что вызывает жалость?

Игорь. Нет, на что-то, что никакой жалости вызывать не должно, в том все и дело. Помнишь этих торговцев, которые продают кулинарные книги и всякие потрясающе ненужные штуки наподобие надувных ваз и чудо-овощерезок? Помнишь, как они недавно приходили к нам в редакцию?

Марина. Помню.

Игорь. Они принесли настольную лампу в виде лошади. Неуклюжая такая пластмассовая лошадь. И вот, всю неделю, что она там у нас простояла, мне было невыносимо жалко и больно на нее смотреть. На дурацкий кусок пластмассы! Я даже чуть было ее не купил. Ну куда это годится?

Марина (обнимает Игоря за плечи). Ты напишешь детскую книгу. Нужный сюжет вот-вот придет к тебе.

Игорь (мечтательно, почти сонно улыбается). Да... У меня даже есть уже начало. «В мире, где не должно быть ни дня, ни ночи, ни вечера или утра, потому что самого этого мира не должно быть, солнце клонилось к горизонту». В начале, в самом первом предложении, должно быть что-то необычное, правда? Вот только сюжет... но будет и сюжет. Да основа-то уже и есть. Школа... Необычная школа, где дети... учат не формулы и не даты. Где они учатся быть людьми.

Марина. По-моему, неплохо.

Игорь. Это важно... Ведь в обычных школах нас пытаются сделать такими... бесформенными, как амебы. Асфальтовый каток изо дня в день проезжает по тебе, а ты изо всех сил стараешься сохранить человеческую форму. Проклятая бесконечная борьба, жизнь по Дарвину. Но настоящая жизнь – это не борьба за выживание, правда?

Марина (к залу). Я тоже верю в это – то есть, хочу верить, но не умею. Прямо как он. Мы с ним похожи, хотя он и утверждает, что нет. Также близнецы, и даже не зеркальные, без всяких отличий. (Игорю). Ты напишешь эту книгу и издашь.

Игорь. Да... И после мы уедем отсюда. Разорим наши накопления, какие есть, и поедem путешествовать... Сейчас никак нельзя. Ничего нельзя до тех пор, пока не издана ни одна книга. Но потом... все изменится. И мы много всего сделаем. Много всего увидим. А еще, когда издам книгу, я куплю себе меч-боккэн, и буду упражняться на тренировках. Я давно так решил. Обязательно – но только после... И тебе куплю, что захочешь. И еще куплю футболку... знаешь, такие футболки с картинками 3D, с портретами разных зверей... Я бы взял со львом.

Марина. И пошел бы в этой футболке защищать права животных?

Игорь. Почему нет? У человека, который издал книгу, больше шансов быть услышанным... Больше шансов, чем если я сейчас начну кричать: «Относитесь и к животным, и друг к другу по-человечески!»

Марина. Это мало кого интересует. Человеческое отношение, судьба кошек и собак... Поэтому твои книги и не печатают.

Игорь. У меня всего один такой рассказ... В основном я пишу о людях. О вещах, которые кажутся мне важными для людей... Но на деле, наверное, людям это интересно не больше, чем судьба кошек и собак. А задумка с детской книгой – очередная волнистая химера.

Марина (к залу). Волнистая химера – это наше с ним выражение. Оно означает что-то неосуществимое и небывалое. Поймите правильно: химера – это и без того несуществующий зверь, а уж такая, о которой никто никогда не слышал, волнистая, вроде попугая – и подавно.

Игорь. Хорошо знаменитостям рассуждать, как портит людей успех. А эти теории...

Марина. Какие теории?

Игорь. Ну, знаешь, когда говорят, что наша жизнь зависит только от нас, от наших мыслей, поставь себе цель, сосредоточься на ней – и обязательно ее достигнешь. Ну вот... у тех, кто придумывает такие теории, есть отличная защита от любой критики. Если ты все-таки ничего не достиг – значит, плохо сосредоточился. Сконцентрировал мало... (растягивает слова) пси-хо-ло-ги-чес-кой эне-эргии... Одним словом, сам виноват. А теория безупречна. Я устал...

Марина (крепче обнимает Игоря). Знаю.

Игорь (говорит, как в полусне). Бесконечная, бессмысленная, такая трудная борьба... за что? С кем? Непонятно. Но всегда в одиночку. На этом поле боя ты всегда один...

Марина (спохватывается, выпускает Игоря, сжимает руки у груди) Ой, как же я забыла... (К залу). Я обещала ему помогать: искать в Сети информацию о разных литературных конкурсах. Его самого все эти поиски почему-то ужасно выводят из равновесия – ну да, понятно, почему, он действительно устал... Я пообещала – но тут же и забыла, так ни разу и не поискала ничего. Из головы вылетело. (Игорю). Извини, я завтра же...

Игорь. Брось. Все это ерунда. Волнистая химера, ты же знаешь. Никто никогда не выигрывает никаких конкурсов.

Марина. Но...

Игорь (прижимает палец к ее губам). Т-сс... Глупость, ерунда. Забудь. Так и должно быть. Каждый из нас всегда один... Так должно быть, это закон. Не думаешь же ты, что я стану ворчать и жаловаться, что мне никто не помогает? Нет, до этой стадии я еще не дошел. Хватит и того, что я, как убогий, жалуясь на злых издателей. Но все же я еще способен думать о самом творчестве, а не только о каких-то несбыточных его результатах. Хотя... меньше, чем прежде. Чем десять лет назад, когда был по-настоящему свободным и сочинял ради того, чтобы сочинять. Да, вот это было настоящее творчество...

Марина. Но это было не совсем правильно, сам понимаешь. Писатель не пишет только для себя, и музыкант не играет только для себя, и...

Игорь. Это было совершенно неправильно. Зато я был счастлив... (Воодушевляясь). Да, это счастье – когда из разрозненных кусочков, фрагментов, обрывков, которые носились, крутились в мыслях, вдруг складывается целое. Картина, основа, сюжет. И в эту основу начинают вплетаться нити, нити судеб... Да, все это воображаемое, не существует – эти люди, эти события. Но все-таки это похоже на реальность. Нет... это становится реальностью. И ты просто не можешь не рассказать о ней. Поток, сияющий поток рвется на волю из самой души. Это... как любовь. Нет, это и есть любовь, одно из многих ее лиц. (Хочет продолжить на такой же возвышенной ноте, набирает в грудь воздуха, но внезапно тихо и иронично смеется над собой). Слишком громкие слова. Потом приходит другое. Вечные вопросы. Да, они приходят неизбежно, когда занимаешься уже не только творчеством, а пытаешься анализировать. Когда... взрослеешь. *Окружающие* интересуют художника, или одна его собственная персона? Что важнее – отражать правду или создавать иллюзии? Что честнее? Что милосерднее? И сколько в том, что ты пишешь – твоего собственного, твоих мыслей, твоих идей, а сколько – замаскированные цитаты из прочитанного? И кому вообще нужна вся эта твоя писанина? И... (досадливо качает головой) да чего перечислять? Тысячи вопросов.

Обнимает Марину, а она – его. Но они не столько похожи на мужчину и женщину, испытывающих чувство друг к другу, сколько на испуганных детей, которые перед лицом опасности хватаются один за другого, ища поддержки.

(К залу) Самое смешное, что никакой настоящей трагедии у меня нет. Я не болен. Гастрит и прочая желудочная ерунда не в счет, настоящей болезнью можно считать только смертельную болезнь, которая отсчитывает твое время, тик-так... А у меня как будто бы полно времени. Но это меня и пугает. Куча времени – старься, медленно загибайся в душной западне... И – ничего, ничего и никогда. Ничего не будет. Доходит до того, что почти завидуешь настоящим больным, для которых, по крайней мере, все определено. Или... нет, это просто пьяная болтовня. Я не встретил бы болезнь с героической выдержкой. Давно не обольщаюсь на свой счет: я трус. Но это не самое плохое, что бы там ни говорили классики... Хуже, что даже здоровый знает: на самом деле никакой кучи времени нет. Времени никогда нет, ни у кого. Поэтому особенно обидно терять его впустую.

Марина. Другие цели...

Игорь. Других целей нет. Все сошлось на этой несчастной стопочке бумаги в обложке, на которой видишь свое имя. Идея фикс, мечта идиота. Когда-то – десять лет назад или раньше – было иначе. Я еще не превратился сам в то, что пишу. Это была часть меня, но было и что-то еще, другое... более настоящее. Теперь этого нет, осталось одно сочинительство. Одни иллюзии, а вокруг них – пустота. В худшем, бесплодном смысле слова.

Марина и Игорь еще теснее прижимаются друг к другу. Их лица – щека к щеке, взгляды теряются в далекой неопределенности.

Марина. Что угодно может быть и лекарством, и ядом. Книжный червь – как пчела, для аллергиков смертельно опасен.

Занавес.